

Олег Игнатьев

ПРЯМО ОТ ПОРОГА
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДОРОГА



Три
истории

Олег (В) Игнатъев

Прямо от порога криминальная дорога. Три истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305334

ISBN 9785448391835

Аннотация

Что ты сделаешь, когда тебе под вечер принесут кучу бриллиантов, все твои друзья окажутся убитыми, а смерть уже стучит и в твою дверь? Выход один – бежать. Бежать, отстреливаясь на ходу, меняя адреса и явки. А когда у тебя закончились деньги и их негде взять? Идти и расставить ловушку на крупную добычу. Но главное, самому не угодить в эту ловушку. А если тебя достали своим весельем соседи? Прийти к ним и повеселиться вместе с ними, да так, чтобы они запомнили это до конца жизни.

Содержание

Дорога, усыпанная бриллиантами	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Прямо от порога
криминальная дорога
Три истории**

Олег (В) Игнатъев

© Олег (В) Игнатъев, 2017

ISBN 978-5-4483-9183-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорога, усыпанная бриллиантами

В то утро мы встретились на глухой городской окраине у одного из полуразвалившихся цехов заброшенной швейной фабрики. На опавшей красно-бурой листве и на потемневших от времени кирпичках фабричного фундамента белыми кристалликами лежал иней. А с тусклого неба, запачканного сильно разбавленной голубизной, лилось на землю осеннее солнце, окрашивая наступающий день в прозрачную охру. Было неуютно холодно в этой осенней рани, и мы кутались в свои пальто и куртки.

Нас было четверо. Четверо друзей? Сейчас – скорее, четверо единомышленников, чьи мысли были объединены одним – где взять деньги, чтобы решить накопившиеся проблемы.

Андрей – оставшийся без работы гитарист, которого за его взрывной характер выкинули из кабака на улицу. Джон Монастырь – боксёр, сохранивший остатки мозгов только потому, что успел уйти из бокса, где молодые и свежие стали загонять его всё чаще в угол и нагло, словно девку к стене, прижимать к канатам. Ещё Дима Нестеров – бывший спецназовец и старинный мой приятель, юрист по образованию и просто умный парень, при этом предпочитавший зарабатывать кулаками. И я – бывший корреспондент одной из местных газет, бывший менеджер по оптовым продажам обуви и быв-

ший... Впрочем, достаточно и этого. Теперь, когда почти год не удавалось найти приличной работы, я писал. Писал какие-то романы, разную муть. Что-то издавалось за небольшие деньги, по сути, за гроши (в основном муть), что-то редакторы выбрасывали в корзину. Плевать. Главная книга моей жизни ещё не была написана, хотя за плечами и были уже сорок лет этой самой жизни.

В молодости меня, Диму и Джона объединяла любовь к трём красивым подружкам, тяжёлому року и весёлым похождениям, пока подружки эти ни повыскакивали замуж, где благополучно расплылись, как коровы, а весёлые похождения ни превратились в постоянные стычки с законом. Остался тяжёлый рок, но и он надоел, железобетонной плитой давя уставшие к тому времени наши души.

Как-то, между прочими делами, я женился, обзавёлся двумя детьми и встречался с друзьями лишь время от времени, когда всё надоело, или были какие-то общие дела. Нестеров и Джон при этом оставались холостяками-бабниками. Андрей, младше нас лет на десять, присоединился к нашей компании чуть позже, но это неважно...

Теперь мы, несколько потасканные и побитые жизнью по нашему добровольному согласию, стояли у кирпичной стены, освещённой осенним утром и ёжились от холода. Чуть в стороне стоял мой выдавший виды «Мустанг». Не какая-то там посуда на колёсах, типа долбанного «Мерса», а настоящая американская тачка. Можно было, конечно, его

продать, чтобы свести концы с концами, как это сделали мои приятели, избавившись от своих развалюх, но в большом городе без машины. . . К тому же в деле, которое мы замыслили и к которому сейчас готовились, она была крайне необходима.

– А когда приезжает этот Мохаммед? – спросил Джон.

– Завтра, – ответил, не глядя ни на кого, Дима и посмотрел в осеннее небо.

Из вереницы траурных дат только этот день плачет.

Андрей передёрнулся. Толи от холода, толи от страха перед завтрашним днём. Понятно дело – очко играло. У самых выдавших виды парней (за редким исключением) очко играет в таких делах, а тут. . . Меня и самого знобило, и, похоже, что и от холода, и от страха одновременно. Не каждый день совершаешь преступление. Взять такой куш! Срубить одним махом миллион долларов США, виданное ли дело! По двести пятьдесят тонн на брата. Ну, Диме, скажем, не привыкать – ни одного парня отоварил в уличном бою, ни одного, похоже, пристрелил в спецоперациях и позже – в смрадных закоулках жизни. Подозреваю, за его плечами было не одно преступление. Молчит, только улыбается всегда небрежно.

Джон вообще набычится, и по его морде не поймёшь: доволен – не доволен, боится или нет. По-моему, он, как и Дима, вообще никого не боялся. Завышенная самооценка при пониженном пороге чувствительности. Машина, а не человек. Сейчас, в отличие от меня или Андрея, кутавшихся в во-

ротники, он стоял себе на осеннем холоде в своей выдавшей виды байкерской куртке и спокойно смотрел исподлобья на нас и на жизнь вообще.

– Стволы? – глянув на меня, сказал Дима.

– В багажнике, – ответил я, слегка мотнув головой в сторону «Мустанга».

– Неси, – негромко и мягко распорядился он.

Я уже было сделал шаг, когда Дима, незаметно и очень внимательно осматриваясь по сторонам, остановил меня за руку. «Нет. Показалось», и он вместе со мной отправился к машине.

Не знаю, откуда у Нестерова была информация, что сделка состоится именно здесь, я лишних вопросов не задавал, но мы готовили место заранее. Чтобы не ездить по городу с кучей оружия в багажнике, и тем самым исключить неожиданности, мы решили весь наш арсенал спрятать прямо здесь, неподалёку.

У каждого из нас были весьма веские причины для совершения данного преступления, и отступить никто не собирался, но... всегда в наши планы может вмешаться что-то или кто-то. Ладно, об этом чуть позже, а пока Диме нужно было срочно отдавать огромный карточный долг, который он умудрился сделать, сев за стол с очень серьёзным бандитом по кличке Тигран. Можно было, конечно, просто убить его и его людей, но это было бы слишком некрасиво и даже пошло. А на самом деле, скорее всего, убили бы Диму.

Рано или поздно. Долг есть долг: сделал – отдай, или скройся с глаз, чтобы не нашли. Но жить в бегах... У Джона была больна мать. Рак пожирал её изнутри. Старушка всё равно бы отдала концы (что так было колготиться?), но сыновья любовь выше прогнозов врачей. А Андрей просто грезил наяву, записать свой альбом на компакт-диске. Жажда славы сильнее здравого смысла и любви к себе – ещё немного и, возможно, он получил бы желаемое, но он сделал то, что сделал. У меня же просто-напросто не осталось денег на еду, и не у кого было больше занять – долгов было, как у арабов перед СССР, – так как должен я был буквально всем своим знакомым. Работа же дворником или грузчиком вряд ли сумела бы исправить ситуацию, а получить что-нибудь приличное я никак не мог – проваливал все грёбаные собеседования во все грёбаные корпорации. Да и были такие предложения больше для упупутиков вонючих, крашенных петушков в белоснежных рубашках. Так что я волей-неволей присоединился к данной компании. Озноб бил мою душу; монитор отклонения делал своё дело.

В детстве, в компании таких же, как я сам, подростков из рабочих семей, я дрался и крал всё, что плохо лежало, но время шло, и я, вроде, остепенился. Однако, как оказалось, не переродился внутри: клише, сформированные средой и временем, сидели во мне глубоко и прочно, так что внешняя оболочка, сшитая из образования, работы и всякой ерунды, типа семейных уз, не имела никакого значения.

А когда эта оболочка поизносилась и треснула во многих местах по швам, все увидели, что, по сути, я остался таким же отвязным парнем. Единственно, длинные волосы мои сейчас поредели на макушке, и я, оставив от них взъерошенную седеющую местами поросль, отпустил в дополнение серебристую щетину на лице и носил очки «Ray-Ban», а ко всему ещё грубые ботинки и старую, коричневой кожи куртку. В общем, выглядел крутым парнем в собственных глазах и глазах стареющих девчонок, у которых развитие мозга остановилось на уровне полового созревания. Сорок лет не предел, жизнь только начинается; вот и начать бы её с чистого листа, заново создавая себя прозревающего, да где там – мечта заросла колючими сорняками. Чтобы их вырвать, нужно было потрудиться.

– Готов? – спросил меня негромко Дима, имея в виду завтрашний день. Спросил доверительно, в самую глубь меня бросая вопрос.

– Готов, – так же негромко ответил я.

Я чувствовал, что он переживает за меня. На протяжении всей нашей дружбы он всегда оберегал меня от неприятностей в виде чужих кулаков и прощал многие вольности по отношению к нему. Дружба без условий.

Сейчас страх как будто улетучился, и не было предчувствия беды или неудачи, а всё же под ложечкой сосало. Отдалённо так, едва заметно, но всё равно ощутимо. Эти люди, если что, в милицию не пойдут – и это, конечно, большой

плюс для нас: сделал чисто – и живи скромно, но богато. Пей коньяк из красивых бокалов да закусывай морскими гребешками. Но если провал, тогда готовься к жизни под землёй – другой альтернативы нет, выроют квартирку-земляночку поглубже и табличку с адресом не повесят. Плюс последнего варианта один – родственники надоедать не будут, но и сам уже никого не наведишь, разве только, в их снах или на спиритическом сеансе в виде привидения.

Проверив лежащие на дне багажника в большой спортивной сумке два обреза, АКМ, пистолет Макарова и несколько гранат, Дима застегнул молнию и, взяв сумку, пошёл в сторону соседнего, такого же полуразрушенного, как и первый, цеха. Мотнул головой всем: «Мол, идите сюда. Каждый должен знать в случае чего, где спрятано оружие». В случае чего... Нет, уж лучше наверняка, а то мой сын-подросток, занимающийся боксом, будет вынужден пойти по стопам дяди Джона. Незавидная судьба прожить с малюсеньким, отбитым мозгом, который болтается в черепной коробке, как куриный пупок в алюминиевой кастрюле. Вроде есть что-то, а думать нечем, некуда матрицу памяти засунуть – места нет. Зато жизнь, как у просветлённого, у Будды – здесь и сейчас. Да ещё мышечная память; бей и не думай ни о чём. Ну, сын ладно, парень есть парень, а дочь?..

– Всем всё ясно? – спросил Дима после того, как засунул сумку под обломок стены. – Джон, тебе обрез. Угоишь одного-другого, и если что – в бой, у тебя удар сильнее лю-

бой пули. Ты будешь в машине, – обратился он ко мне, – но на всякий случай с обрезом. Смотри, чтобы «Мустанг» не дал сбой. Проверь на сто раз, и двигатель не глуши.

Я кивнул коротко, не глядя на него.

– Тебе, – посмотрел он на Андрея, – «Макаров». Стреляешь метко, не промахнись смотри только. Представь, что ты в тире, только мишени тоже с пушками. Поэтому, кто кого опередит, тот и приз выиграет. Шарик на ниточке... От волнения всякое может случиться, – сделал паузу. – Каждому по гранате. Это на крайняк. Если всё сделаем, как рассчитали, проблем не возникнет, – говорил он негромко, внушительным баритоном. Он задумался на несколько мгновений. Я видел, что что-то гложет его.

– Ладно. Поехали отсюда, нечего светиться, – а когда все сели в машину, спросил меня:

– Давно Серёжу видел?

– Вообще не видел, – ответил я и включил зажигание.

Дима спрашивал про парня, нашего пятого приятеля, который подписался на дело, но, почему-то, в последний момент отказался. Видимо, это-то и смущало моего друга. Серёжа Воробей – Серж Каланча – скрылся в неизвестном направлении и не показывался никому на глаза, как и не отвечал на звонки. Видимо испугался так, что даже боялся встречи с нами. Абонент недоступен для входящей связи, перезвоните позже. Лучше бы сказали: «Абонент обосрался при входящей связи. Не раньше и не позже». Поэтому его обрез,

на всякий случай, и переходил ко мне.

Я тронул с места, а все сидели и молчали.

Как я уже говорил, в наши планы всегда может кто-то или что-то вмешаться. Главное, не быть тупым быком, прущим на колышущуюся тряпку обязательств в руках манипулирующего тобой матадора. Что ему, матадору? У него своя выгода. А бык прёт на красный плащ, а дальше миг и... muerte – смерть – на конце шпаги.

Зайдя домой, я увидел сияющую подругу моей жизни, мою Юлю. В руках она держала толстенное письмо, вернее даже не письмо, а пакет. Взяв его, я прочёл обратный адрес: London, ... agency... и так далее. Одну из моих рукописей удалось-таки пристроить в русскоязычном английском издательстве через молодую, но шустрюю русскую журналистку и переводчицу, живущую в Лондоне, и теперь мне прислали договор с предложением очень даже приличного гонорара. Мечты сбывались. Такое и во сне не каждому приснится, да к тому же если ещё никому не известный, бывший заштатный корреспондент, когда в издательствах столько несговорчивых редакторов сидит, меня из себя апостолов при дверях в литературный рай. Пойди, пробейся... Оказывается, есть и среди них хорошие люди.

Всё так здорово, а тут этот Мохаммед со своим миллионом. Конечно, аванс за роман, мягко говоря, куда скромнее, чем куш от предстоящего дела, но стоит ли рисковать,

ловя журавля в небе, когда тебе уже сунули синицу в самую руку. Хватай её да держи крепче, только крылья не пообломай. И мне тут же расхотелось идти на завтрашнее дело. Так легко стало на душе, что захотелось выпить виски; на дне бутылки, стоящей в пустом баре, осталось немного. Осушив порцию одним глотком, я почувствовал, что захмелел, одно было плохо – красный плащ матадора, мелькавший в моём мозгу, не давал мне покоя, действуя на нервы: обязательства, обязательства, обязательства. Я ведь уже подписался, а тут... не уподобляться же Серёже Каланче. Хотя, почему бы и нет. Надо всё отменить и баста. Мало ли что нам планировали. И этот Мохаммед, который ни о чём не подозревает, останется жить, и нам спокойно. Естественно, свой гонорар я не собирался тратить на запись Андреева альбома, но занять ему сколько-то денег смог бы, и Джону... и, конечно же, хотя бы малость Диминого долга погасить.

Я позвонил Нестерову и попросил, чтобы он обязательно приехал ко мне. Прямо сейчас.

Встретив гостя, я рассказал о своей радости и о своём плане относительно завтрашнего дня и своего гонорара. Он выслушал меня не перебивая, и в обычной своей манере усмехнулся небрежно.

– Нет, Саша, – бросил он. – Отваливай смело, никто тебе слова не скажет, но я от дела не откажусь. Твои деньги это твои деньги, а мне своих охота занять да столько, чтобы не в чём себе не отказывать. Одна просьба только: машину

дашь?

Я протянул ему ключи от «Мустанга».

– Если что – заявишь об угоне, – негромко сказал он и поднялся из кресла. – Счастливой карьеры.

Я чувствовал, что он не то чтобы обижен, но обескуражен, однако ни я, ни он и вида не показали, что что-то уже произошло, что с моим решением изменить планы, может измениться и жизнь тех, кто идёт на этот большой гоп-стоп.

– Пока, – не то улыбнулся, не то усмехнулся Нестеров и ушёл в тёмный осенний вечер.

Я услышал, как под окном завёлся двигатель «Мустанга». Немного погодя звук его растворился в шуме ветра.

Но как мне было легко на душе, как легко, и я уже ни о чём не думал, как и не сожалел о принятом непростом решении. Матадор удалился, так и не одержав победы, а бык внутри меня издох сам собой. Завтра я узнаю, сработал ли план и стали ли мои приятели богаче на миллион долларов.

Ни хроники в криминальных новостях, ни шума в городе, и снова лёд октябрьского вечера с мерзким жёлтым светом фонарей.

– Саша, ты дома? – услышал я в трубку голос Нестерова.

– Дома, приезжай, – коротко и тихо бросил я, поняв по его тону, что что-то случилось.

– Позвони в милицию, заяви о пропаже машины, – и повесил трубку.

– Кто звонил? – поинтересовалась Юля.

– Дима, – видимо на лице моём отпечатались озабоченность, потому что она спросила:

– Что-нибудь случилось?

– Да нет, ничего, – пожал я одним плечом. – Сейчас заедет.

– Мм, – произнесла Юля и скрылась в другой комнате.

Через пару минут Дима сидел в одном из моих продавленных кресел и, глядя в пол, короткими фразами излагал то, что с ними случилось, но перед тем он вернул ключи от «Мустанга», чтобы у ментов не возникло подозрения в подвохе. «Хорошо, что я не пошёл», – мелькнуло у меня в голове. Неважно, подлой была эта мысль или нет, но чувствовал я себя сейчас, явно, много лучше моего друга.

– Что случилось? – спросил я.

– А как ты думаешь? – пытаюсь спрятать боль, которая выплывала на его лицо откуда-то изнутри, ответил вопросом на вопрос Дима.

Я не стал умничать и упрекать его в случившемся, напоминая о моём вчерашнем предложении не ходить на дело.

– Думаю, всё плохо, – сказал я.

– Ещё хуже, – засмеялся своей шутке, морщась, гость.

– Не тяни, Дим, – почти приказал я ему.

– Андрей убит. Прямо на месте шлёпнули нашего музыканта. Так что не запишет он свой диск уже никогда.

– А Джон? – спросил я, догадываясь, что и Джон уже, ви-

димо, никогда не поможет своей матери.

– Джон? – переспросил Дима, как будто обдумывая тщательно мой вопрос. – Джона я добил. – Он посмотрел мне в глаза. Просто так посмотрел, без пошлой трагедийности.

Я молчал, вопрос «зачем он это сделал» отпадал сам собой; просто так Нестеров не стал бы добивать друга, видимо тот был уже при смерти и мог рассказать всё или ментам, или тем серьёзным людям, у которых мы хотели отнять их миллион.

Он снова поморщился, на этот раз сильно, и я понял, в чём дело.

– Зацепило? – спросил я.

– Есть немного, – улыбнулся Дима, и теперь боль, уже не сдерживаемая им, исказила его улыбку. – Мне надо уходить. Вызывай ментов. Вот, – протянул он мне солидный по размеру мешочек, который меня ничуть не обрадовал. Я понял: никакого миллиона долларов, а вместо него... Я усмехнулся и, несколько помедлив, взял этот чёртов кисет. Какая лажа – это равносильно, что пятикласснику взять кейс с несколькими килограммами героина. И куда теперь с этим мешочком Санта-Клауса, с этим новогодним подарком в начале октября?

– Здесь бриллианты, – подтвердил мою невесёлую догадку друг. – Полагаю, на очень большую сумму. Видимо, как раз на миллион, или что-то около этого.

– Я не разбираюсь в этом, – ответил я, держа в руке богат-

ство и, как ни странно, не имея к нему никакого интереса.

– Посмотри.

– Зачем?

– Мне некогда. Просто посмотри и всё, – настаивал он.

Я ослабил завязку мешочка и высыпал на ладонь несколько блестящих камешков. И куда их теперь? Простые камушки, а столько стоят. Фактически это те же деньги, если бы можно было ими оплачивать покупки. Правда, в продуктовом магазине неудобно – сдачи не наберёшь, а так... вполне хорошая валюта. Твёрдая в прямом и переносном смысле. Из них бы резаки хорошие делать, а из-за них людей убивают.

– Посмотрел, – я сделал паузу. – Но почему бриллианты? При чём здесь бриллианты? Ты ведь говорил о деньгах.

– О деньгах, – с каким-то сожалением протянул Нестеров. – Видимо, этим долбаным чуркам не удалось договориться с их «хавалой» о залоге, – засмеялся он невесело, – поэтому, видно, напрямую брилики сюда и припёрли, чтобы за оружие рассчитаться, а скорее всего – эти камешки здесь уже и были, видно их вместо валюты решили использовать. Пусть полежат у тебя. Надеюсь, не откажешь? Спрячь получше. Возьми себе несколько камней, так сказать – плата за хранение, – по поводу платы он, конечно же, шутил, – остальное как-нибудь заберу. Здесь останется сверх моего долга и лечения Монастырёвской матери. Если не вернусь, сам распорядись, как сможешь.

– Дима...

– Помолчи. Всякое может быть. Мне две пули в бок зарядили. Придётся в больничку обратиться, чтобы выжить, а там... будущее предугадать сложно. Может ещё и в больничке грохнут.

Я напряжённо смотрел на него.

– Что бриллианты у тебя, они, естественно, не узнают, – он уже не пытался скрывать боль; лоб его покрылся испариной.

– Не сомневаюсь, – ответил я, действительно ничуть не сомневаясь в этом. Орденоносец, прошедший погранслужбу и воевавший в горячих точках, побывавший в невероятно сложных переделках, стреляный и битый, он бы ни за что, ни при каких обстоятельствах не раскололся. Его уже один раз пытали какие-то ублюдки, потом из их задниц, у каждого по очереди, вытаскивали очень горячие паяльники. И где он их столько взял, этих паяльников?

– Ну... а если что... только про мать Джона не забудь. Помоги. Там уж сколько протянет старушка, но долг за Джона выполнить надо.

Я молчал. Конечно, помогу. Только куда с этими бриллиантами?

– Ладно, я пошёл, – Дима встал, осторожно откинул полу куртки; на боку его, сквозь рубашку, выступило обильное пятно крови.

– Пока, – улыбнулся он на прощание. – Юле ничего не говори.

– Пока, – закрыл я за ним дверь и стал набирать «02».

– Ушёл? – спросила Юля.

– Ушёл, – подтвердил я очевидное. – Юля, у нас машину угнали. Дима говорит, не увидел её у нас под окнами. Точно, – смотрю – нет. Я звоню в милицию.

– Нашего «Мустанга» угнали? – без удивления в голосе спросила Юля. – А на чём ты сегодня на почту ездил договор отправлять?

– Копию я отправил по интернету, а оригинал договора экспресс-почтой, за счёт получателя. Они сами так попросили. У меня его из дома и забрали пока ты по делам ездила.

– А-а, – протянула она. – Ты что, даже на улицу сегодня не выходил?

– Нет. Сейчас милиция приедет, вот заодно и прогуляюсь.

Машина оказалась на соседней улице, а мне пришлось полночи, словно это я был угонщиком, провести в отделение милиции. Но разве машина это главное? Сколько их распрекрасных есть на белом свете, а вот человек...

Со следаком в казённой «пятёре», пропахшей табачным дымом, мы ехали на место, где нашли мою тачку, когда на углу соседней улицы я увидел, как милицейский «УАЗик» освещает мигалкой, словно дискотечным фонарём, мёртвое чьё-то тело, лежащее на асфальте, и силуэты милиционеров вокруг. Мгновение – и всё залито синим светом, мгновение – и темнота; мгновение – жизнь, мгновение – смерть.

– Грохнули кого-то только что, – прокомментировал для

следователя водитель. – Расстреляли прямо в упор. По полной программе разделали. Всего растребушили, все карманы наизнанку, морду не узнать. Документы вроде как при нём, но кто его знает... Генка сейчас рассказал.

– А, Иванов? – уточнил следователь.

– Да, он ведь в убойном сейчас работает.

У меня заколотилось сердце. Это же...

Получается, выйдя от меня, Нестеров успел пройти лишь пару кварталов, когда его убили.

Ветер нёс осенние листья в запачканной оранжевым светом фонарей темноте, гнал их по тротуару, а он, упав навзничь, лежал холодный в холодной же осенней ночи, и не было больше в его теле жизни. «Мустанг» угнали, – промелькнула усмешка ума, а я почти всю ночь сидел в отделении милиции. Роман, английское издательство, бриллианты и смерть друзей... всё смешалось в голове. Нужно было успокоиться и прийти в себя. Что делать с этими камнями и как скоро выйдут на меня те серьёзные дяди, чьи сокровища лежали в моём письменном столе? А что выйдут – сомнений не было. Здесь уж не до «Мустангов», дёргать надо. И чем скорее, тем лучше. А куда дёргать?.. В какое-нибудь американское захолустье... в Твин-Пикс какой-нибудь, где фиг кого найдёшь. Хотя, в большом городе затеряться легче. Ладно, разберёмся. Сейчас Юле надо всё объяснить.

«Мустанг» я продал уже через пару дней, и часть денег

от его продажи передал матери Джона. Хотя после смерти сына они вряд ли смогли уже поправить её здоровье. Скорее, на похороны пригодились бы. Море слёз и живой труп, которому можно было смело готовить могилу. Другую часть денег я оставил себе, лишь немного передав на похороны Нестерова и Андрея. Всех их похоронили на разных кладбищах; я не пошёл прощаться ни с кем из них. Так бы поступил и Нестеров: безопасность превыше пускания розовых слюней. Что там смотреть? Как безжизненные, простреленные тела в ямах зарывают? А у Нестерова, сказали, вообще ваза для тюльпанов вместо головы. Закрытый гроб и дядины скупые слёзы. Родных-то никого у него не осталось, кроме дяди-прокурора.

Нечего рисоваться скорбью – похоронили и похоронили.

Через несколько дней объявился Серж Каланча.

– Привет, – услышал я его голос в трубке телефона.

– Привет, – ответил я.

– Слышал про пацанов наших? – спросил он.

– Слышал. А ты где был?

– Да так же, как и ты, решил не вмешиваться в ход событий.

Голос его был мне неприятен, как и он сам.

– Хватит базарить. Если что-то хотел, говори по делу, – оборвал я его.

– Да встретиться надо.

– Зачем?

– Есть разговор.

– Хорошо. Давай в кафе, за оперным.

– Давай. Через час сможешь подъехать?

– Да, смогу.

Через час мы пили дорогие виски, Каланча угощал.

– Мне Нестеров позвонил... видимо, перед самой смертью... – играя в страдальца, начал он. Пауза.

– И что? – с неким пренебрежением спросил я его.

– Камни у тебя, сказал...

Какой бред несёт этот урод. Какие камни?! Димка, который никогда не доверял этому обломку телеграфного столба, этому сурикату грёбаному, рассказал бы, что отдал мне бриллианты? Видно, точняк, надо собирать Юлю, детей и быстро, быстро сваливать. Похоже, это он и сдал, каланча поганая. Но не выбрасывать же теперь эти камни... и с ними – засада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.